

**АНДРЕЙ
САВЕЛЬЕВ**

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТОП

**ЗАКАТ ЕВРОПЫ
и БУДУЩЕЕ РОССИИ**

Андрей Савельев

**Миграционный потоп. Закат
Европы и будущее России**

«Книжный мир»

2016

Савельев А. Н.

Миграционный потоп. Закат Европы и будущее России /
А. Н. Савельев — «Книжный мир», 2016

ISBN 978-5-8041-0811-4

Быть может, через сто лет историки (если они еще будут существовать), назовут 2015-й первый годом нового Великого переселения народов. И будут иметь для этого все основания. Орды мигрантов атаковали рубежи ЕС, смели оборону толерантных европейцев и осваивают просторы завоеванного ими вождленного западного Элизиума. Еще немного, и закат Европы, предсказанный Шпенглером, станет реальностью. Этот последний акт европейской истории привлек внимание мировых СМИ, которые широко освещают – правда, на односторонний толерантный лад – происходящее. И, в то же время, в России, поглощенной украинскими событиями и разворотом нашей политики «на Восток», внимание публики отвлечено от процессов, аналогичных идущим в Европе. Книга политика и публициста Андрея Савельева возвращает нас к теме миграционной политики в России и дает – на фоне экскурса в историю вопроса – развернутую картину настоящего и возможного будущего межнациональных отношений в нашей стране.

ISBN 978-5-8041-0811-4

© Савельев А. Н., 2016

© Книжный мир, 2016

Содержание

Предисловие. Закат Европы, или Глобальный Север	6
Национальные меньшинства в судьбе государства	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Савельев
Миграционный потоп. Закат
Европы и будущее России

© А. Н. Савельев, 2016

© Книжный мир, 2016

Предисловие. Закат Европы, или Глобальный Север

Точка невозврата

В 2015 году в Европу хлынул небывалый поток мигрантов, который пополнит ее население в этом году более чем на полмиллиона человек. Это явление перестало быть периферийным для общественного сознания европейцев, которому вновь подан впечатляющий сигнал. Можно было не заметить сотни тысяч иммигрантов, но невозможно было проигнорировать смерть 71 человека, задохнувшихся в грузовике, перевозящем нелегалов. Сотни погибших беженцев, стремившихся пересечь море на непригодных для этого суденышках, – это также плата за безумную политику, проводимую ставленниками европейских олигархий. Но все же все эти смерти – результат выбора тех людей, которые готовы рисковать своей жизнью и жизнью своих детей, лишь бы переселиться в Европу. У европейцев такого выбора нет: они стали заложниками миграционной политики своих правительств, навязанных через СМИ западных иллюзий и развязанных по периферии Европы войн.

В 2015 году на терминале в Кале произошел транспортный коллапс, потому что мигранты всеми средствами стараются уехать в Лондон, забираясь на крыши поездов. В ночь с 28 на 29 июля 2015 года около двух тысяч иммигрантов попытались штурмом взять территорию терминала с целью нелегального въезда в Великобританию. С января по начало августа 2015 года были предотвращены около 37 000 попыток нелегального проникновения в Евротоннель. Италия принимает на себя поток численностью 3000 иммигрантов в день, пытающихся пересечь Средиземное море, выделив на это 3 млрд. евро и получив от Евросоюза компенсацию всего в 0,5 млрд. Подобные ситуации предельно напрягают отношения внутри ЕС и ведут к восстановлению внутренних границ.

Прямым следствием взрывного роста численности иммигрантов является политика Запада по уничтожению суверенных государств и организация в них условий гуманитарной катастрофы. Помимо Ливии, это также Ирак и Сирия, где действия Запада были и остаются крайне деструктивными, а также Кавказ и Украина. Таким образом, Запад (геополитический субъект) действует против Европы (культурно-исторический субъект). И этот парадокс может завершиться только ликвидацией либо одного, либо другого субъекта. Либо Запад отступит за океан, либо европейская цивилизация прекрати свое существование.

Управляемый хаос, который европейские политики в угоду закулисным силам стремятся организовать за пределами Европы, перехлестнул через ее границы. Бесспорно, самым безумным деянием европейских «политических элит» было соучастие во вторжении в Ливию в 2011 году и организация последующих «цветных революций», дестабилизировавших все южное приграничье Европы. Ливия стала транзитной страной для мигрантов целого континента.

Директор отдела России и СНГ Германского совета внешней политики Александр Рар говорит: «Мы на перепутье, и трудно сказать, куда это приведет... Да, можно сказать, что „белая раса“ вымирает... В открытую вести такие обсуждения пока сложно, потому что есть электорат». Европейский электорат остается глубоко дезориентированным и в целом поддерживает самоубийственный гуманизм своих правительств и евробюрократии. Причем подобная поддержка соседствует с очевидно антииммиграционными демонстрациями, которые происходят после громких терактов в европейских столицах и выводят на улицы миллионные массы граждан.

До 2015 года общественное мнение вяло беспокоилось «демографическим навесом» Азии над малолюдными территориями Сибири и Дальнего Востока и брезгливо относилось к хулиганствам европейских «ультра» в отношении мигрантов. Вспышка насилия, спалившая окраины Парижа в 2005 году, казалась больше социальным протестом и «праздником непослу-

шания» приезжей молодежи, чем сигналом подспудно созревающих процессов. Но оказалось, что это просто симптом, предвещающий миграционное цунами.

Для западноевропейцев Россия казалась щитом от восточной миграции – малонаселенные территории должны были вместить в себя мигрантов из Средней Азии и Китая, а с юга их защищало Средиземное море. Поэтому можно было относиться к стремительно разрастающимся африканским и азиатским общинам не только в Южной, но и в Северной Европе как к курьезу. И продолжать проповедовать гуманизм во всем мире, не считаясь с тем, как он отзовется на европейском культурном ядре. Это поведение было стратегическим просчетом. Или же тщательно подготовленной стратегией безболезненной ликвидации европейских наций.

Трудно сказать, достанет ли гуманным европейцам глубины переживаемых трагедий, чтобы радикально изменить отношение к миграционным потокам? Будут ли они проявлять большую гуманность к массам безработных пришельцев или к собственной цивилизации, стоящей на краю гибели? Будут ли они заняты охранением своих национальных традиций, своих национальных государств или займутся созданием огромных лагерей беженцев, где будет процветать праздность и преступность? Согласны ли европейцы на уже почти неотвратимую передачу Европы не своим потомкам, а выходцам из далеких стран, для которых европейская культура и история, европейская государственность и правопорядок не являются родными?

2015 год определенно стал «точкой невозврата», в которой решается судьба европейских наций. Если не произойдет решительного перелома в умонастроениях европейцев, если к власти не придут политики нового склада, которые обеспечат принципиально иную миграционную политику (а с ней и иную экономическую политику), то гибель Европы предрешена.

Убийственный гуманизм

Европейский мир не раз менялся самым радикальным образом в результате миграционных потоков. Арийские переселения существенно изменили состав населения во II тысячелетии до н. э., добив разорванную междоусобицами микенскую цивилизацию. Демографический кризис не позволил сформироваться эллинской империи, поскольку в ключевой исторический момент спартиатов оказалось слишком мало, а греки предпочитали воевать между собой – лишь бы не признать гегемонию Спарты.

Великое переселение народов стало причиной гибели Римской империи. Рим пал не только потому, что его некому было защищать, но и потому, что варвары разрушили водопровод, без которого миллионный город выжить не мог. Надо вспомнить также, что «византийский урок» состоит не только в том, что государство не удержать покупкой предателей и наемников, но также и в том, что невозможно сохранить Мировой город на границе двух цивилизаций, обращаясь лицом то к одной, то к другой. В итоге с обеих сторон приходят завоеватели, которые разоряют Мировой город и превращают в лучшем случае в музейный экспонат.

Европа вполне могла бы учесть в своей долговременной стратегии, что сохранение идентичности исторических наций невозможно в условиях всесмешения и разбавления и без того дезориентированной либеральными догматами публики массами «трудовых мигрантов», которые по большей части предпочитают жить на пособие, а не трудиться, не ассимилироваться, а создавать анклав со своим порядком жизни, отличным от европейского.

Попытка решить проблему трудовых ресурсов массовым завозом иностранной рабочей силы не увенчалась успехом. Вместо рабочей силы Европа получает отчаянное в своем стремлении выжить варварство. Не только инокультурные анклав, но и этническую преступность с ее плотнейшей связью с глобальной наркоторговлей и жесточайшими преступлениями, включая случаи совершенно немыслимого среди европейцев сексуального насилия над детьми.

Теневая экономика и глобальные игроки, заинтересованные в сносе всех культурных «надстроек» над экономикой нового рабовладения, инвестируют в миграционные процессы, в обустройство мигрантов в Европе и в политиков, которые полагают, что принципы гуманизма

по отношению к мигрантам выше задачи сохранения европейской идентичности и исторических европейских наций.

Иммиграция может казаться выгодной только тем, кто делает ставку на деиндустриализацию Европы, когда человек с лопатой заменяет машиниста экскаватора, а человек с метлой – водителя уборочной машины. За деиндустриализацией следует архаизация общества. Вместе с примитивным трудом возникают целые социальные слои с примитивными взглядами на жизнь. Разрастание этих слоев обещает отправить на свалку истории всю европейскую цивилизацию. Причем не в каком-то отдаленном будущем, а в течение жизни всего одного поколения.

Абсурд миграционной политики Европы заключается в том, что перспективы выживания европейской цивилизации вошли в прямое противоречие с либеральным гуманизмом, которые не делит людей на разряды, предпочитая видеть только самые примитивные внешние признаки причастности к роду человеческому. Именно поэтому проблему иммиграции долгое время пытались решить через иммиграционный контроль и адаптацию иммигрантов. Этот подход полностью провалился: иммигранты в принципе не желают и не способны адаптироваться и ассимилироваться – становиться европейцами, представителями европейских наций. Их низкий социальный статус (а иной им и не положен, поскольку ущемлял бы коренное население) ведет к клановым способам выживания, а в кланах сохраняется неевропейская социальность, весьма близкая к криминалу. Международный терроризм получил свой «международный» статус именно в смешанных из многих составляющих миграционных потоках. Он стал инструментом в глобальной игре закулисных сил, где европейские нации рассматриваются как досадное препятствие олигархическому господству.

Мировая сверхолигархия планирует сворачивание социальных государств, за образование которых человечество (прежде всего, Европа) заплатило десятками миллионов жизней. Социальное государство кажется слишком дорогим, а граждане с собственным достоинством – слишком своевольными для олигархических форм правления и извлечения прибыли.

Лучшим средством приучения европейцев к мысли о том, что политические институты им ничего не должны, является ликвидация социальной сферы. Через соседствующее с прежним порядком образцы жизни иммигрантов – нищету, преступность, бескультурье, антисанитарию, отсутствие образования и каких-либо жизненных перспектив. Добившись в бунтах 60-х XX века своего права «быть или не быть» (права выбора любой идентичности и право на нищесбродствующий паразитизм), европейская молодежь воспроизвела в следующих поколениях вялое равнодушие к государственности и цивилизации – вместе с готовностью быть низведенными в своем социальном статусе до уровня никчемного пришельца.

Столь же вялыми оказались и политические наемники олигархии, занявшие ключевые посты в европейских государствах. У них нет долговременной стратегии, и они реагируют на масштабные процессы депопуляции коренных народов Европы и замещение их пришлым населением лишь провозглашением озабоченности и изобретением новых форм контроля миграционных потоков, которые оказываются несостоятельными. Контроль не решает ни одного вопроса – ни миграционного, ни какого-либо другого. Но именно контроль и является для иммиграционной политики Европы единственным средством, противопоставленным миграционному цунами. Средством во всех отношениях жалким. Чаще всего контроль обеспечивает не снижение иммиграции, а лишь замену нелегальных иммигрантов легальными. В этом смысле беспомощность Европы в 2010-е годы только сменила маску в сравнении с 1990-ми, когда ужесточение миграционного законодательства лишь увеличило нелегальную составляющую миграционных потоков, но не их интенсивность.

Новые диаспоры Европы уже насчитывают десятки миллионов человек, и европейцы не мыслят жизни без иммигрантов, к которым предпочитают приспосабливаться, считая за норму все то, что еще недавно нормой быть не могло. Например, исламизацию Европы, которая захватывает вовсе не только выходцев из Азии и Африки, но рекрутирует в ряды радикальных исла-

мистов и европейскую молодежь, находящую только в этой среде прочный коллективизм и приверженность определенным ценностям.

При численности ЕС-25 примерно 500 млн. человек, Европейский Союз имеет численность неевропейского населения, составившего новые диаспоры, около 25 млн. человек – 5 %. Российская Федерация при численности менее 150 млн. человек приютила на своей территории 15–20 млн. неевропейских мигрантов. Следовательно, миграционная нагрузка на РФ в три раза больше, чем на ЕС. Но здесь власти совершенно равнодушны к процессам, которые потрясают Европу. И даже готовы учить европейских политиков, как нужно управляться с собственным населением, чтобы у него не возникало беспокойства по поводу вторжения в его жизнь миллионов чужаков.

Тяжесть миграционных процессов Европа ощущает, потому что миграционные потоки ориентированы в основном на «миграционное ядро» – наиболее богатые страны, а также на крупнейшие города, обычно – на столицы. Точно такая же ситуация и в РФ – подавляющее большинство мигрантов ориентирована на Москву, Санкт-Петербург и их пригороды. При этом концентрированные потоки мигрантов вовсе не вписываются в европейские социумы. При этом нет разницы между Западной Европой, которая многие годы финансирует процессы адаптации и ассимиляции пришельцев, и РФ, где ничего подобного нет и не планируется.

Демографы рассчитывают, что Европе мало миллиона молодых пришельцев в год, которые возмещали бы трудовые ресурсы стремительно стареющего населения. Они полагают, что необходимо привлекать (по разным оценкам) 1,4–1,9 млн. молодых переселенцев в год. И это означает, что у сторонников миграционного замещения населения Европы есть влиятельные спонсоры, которым выгодно миграционным потоком смыть слишком требовательных к социальным условиям и культурным стандартам жизни европейцев и заменить их азиатами и африканцами.

Война немецким порядкам (К. Маркс)

Немецкий политик и предприниматель Тило Сарацин после издания книги «Германия самоликвидируется» (2010) был фактически выброшен из «политического класса» – стал в этой среде чужим, как будто, сказав правду о миграционном потоке, он сделал нечто неприличное. И даже после слов канцлера Ангелы Меркель (16 октября 2010 года, конференция в Потсдаме) о том, что политика мультикультурализма потерпела полный провал, абсурд в отношении миграционных процессов продолжается. Приоритет для въезда и трудоустройства в Германии по-прежнему имеют выходцы из стран с преобладанием мусульманского населения.

«Сильными руками» мусульман немецкие политики намерены спасти свою экономику. В действительности же они реализуют план гибели Германии, очерченный Сарацином и разработанный олигархией, которой удобнее управляться с бесправным и безграмотным населением, чем с германской нацией. Когда же вопрос об исламизации ставится ребром, в дело включаются полиция и суды, а также общественность, обнаруживающая в подобных вопросах расизм и исламофобию. При безработице в 30 % среди молодежи, Германия предпочитает давать работу тем, кто не вписан в германскую нацию и даже не владеет немецким языком – молодым африканцам и азиатам. Дети инокультурных иммигрантов автоматически приобретают гражданство, все политические права и социальные гарантии, не получив от родителей воспитания лояльности к стране пребывания.

Замечательная «толерантность» обнаружилась даже у немецких католиков. Они решили прекратить крещение младенцев, чтобы не навязывать выбор веры. Взрослый немец будет без участия родителей решать, быть ли ему христианином или мусульманином. И даже быть ли ему немцем или кем-то еще. Та же Меркель осудила протесты против исламизации Европы, фактически признав историческое поражение немцев, которые в ближайших поколениях оста-

вят и свою веру, и свою культуру, и лояльность к своему государству, все более становящемуся фикцией.

Если мигранты на демонстрациях скандируют «Германия должна быть цветной!», то немецкие политики воплощают их чаяния в жизнь.

Германский абсурд:

- Во многих школьных столовых запретили подавать свиные сосиски, колбасу и паштет, запретили даже приносить такие бутерброды из дома;

- В классах отменили уроки религии, со стен сняли распятия. Рождественские каникулы назвали «толерантно» – «зимний перерыв»;

- В бассейнах открыли специальные отделения для купания в одежде, в школах мусульманам разрешили не ходить на уроки плавания (голые ноги и купальники их оскорбляли);

- Во многих компаниях в Рамадан сотрудникам предлагают не есть и не пить, чтобы не смущать мусульман.

- О вызовах полиции в городки беженцев (драки, воровство) запрещено сообщать в прессу.

Против тех, кто высказывает недовольство такими обстоятельствами, возбуждаются уголовные дела. В сети интернет провайдеры соответствующие материалы «банят», ибо они «нетолерантны». За комментариев в соцсетях против беженцев могут уволить с работы. Книжки со словом «негр» теперь подлежат сожжению. Мигрантов раздражает колокольный звон – запретят бить в колокола. Любые вакансии – беженцам. В университеты – без аттестатов. Все СМИ – за беженцев. Любое упоминание национальности бандита в случае резни или изнасилования тотально запрещено.

Между тем, бедность охватывает коренное население Германии: пенсионеры роются в мусорных баках и собирают пустые бутылки, неимущие стоят в очередях за просроченными продуктами. Помощь беженцу – квартира с мебелью, подъемные 2800 евро и пособие в 400 евро в месяц. Плюс врач и языковая школа. Дело уже доходит до принудительного переселения пенсионеров из слишком просторных муниципальных квартир – ради обеспечения жильем иммигрантов.

Германия вместе с мигрантами получила то, от чего Европа, казалось бы, избавилась – массовое воровство, публичные домогательства к женщинам, внезапные драки на улицах, превращение любого места в отхожее и так далее.

Все это не результат какой-то ошибки. Это преднамеренная капитуляция в войне с немецкими порядками. Большинство немцев приветствует самоубийство Германии.

Раздавить гадину (Вольтер)

Франция имеет давнюю историю толерантности, а с ней – огромное количество мигрантов, в семьях которых выросло уже целое поколение, в правовом отношении ничем не отличающееся от коренных жителей этой европейской страны. Фундаментальное изменение положения Франции произошло в связи с войной в Алжире, где де Голль бросил на произвол судьбы два миллиона французских граждан. Утратив форпост в Северной Африке, Франция стала одной из вожаемых целей для иммигрантов, которых французские власти с удовольствием принимали. Президент Франции Франсуа Миттерана однажды заявил: «Иммиграция является не проблемой, а шансом. Как для Франции, так и для самих иммигрантов». Какой шанс? Для иммигрантов – приобщиться к благосостоянию французов, к которому они шли несколько веков, а для французов – потерять Францию.

И вот Франция набита иммигрантами – африканцами и азиатами – до отказа, Париж превратился в восточный базар. Здесь образовались арабские кварталы, где свободно торгуют наркотиками, а уличные грабежи являются нормой. Как и в Германии, здесь мусульмане все больше навязывают свои порядки – прежде всего, в детской среде. В школах пытаются запре-

тить присутствие продуктов, содержащих свинину, в бассейнах вводят раздельное посещение для мужчин и женщин. За «неправильное мясо» торговца могут поколотить, а его лавку просто закрыть. Французы зачастую чувствуют себя жителями гетто, будучи окруженными агрессивными выходцами из неевропейских стран.

Николя Саркози, получивший пост президента Франции во многом благодаря жесткой позиции в отношении буйствующих мигрантов, обманул французов и предпринял такие внешнеполитические шаги, которые кратно увеличили миграционные потоки. Соучастие и даже лидерство Франции в ничем не обусловленной агрессии против Ливии – это результат глобального замысла, имеющего антиевропейский характер. Понимание этого обстоятельства французами, скорее всего, приведет в 2017 году на пост президента Франции Марин Ле Пен – лидера умеренных националистов. Если у нового президента достанет честности и рассудка, Франция может оказаться во главе новой европейской политики по отношению к иммигрантам и странам-донорам иммиграционных потоков. Ле Пен выступает за прекращение иммиграции и массовую депортацию. Она излагает свою позицию образно и иносказательно: «Нет смысла выливать воду из лодки, если там есть дырка, надо сначала закрыть эту дырку и починить лодку, а для этого нужно выйти из зоны Шенгена».

Косвенный свидетельством массовой поддержки этой позиции является марш граждан Франции против исламского радикализма. Поводом для марша стало убийство журналистов порнографического издания «Шарли Ебдо». При всей сомнительности повода, антиисламские настроения во Франции определенно нарастают, а после очередной волны мигрантов, эти настроения будут лишь крепнуть. Вопрос: успеет ли Франция спастись от миграционного потопа? Или она уже утонула?

Писатель Жан Распель еще 40 лет назад написал футурологический роман «Обитель святых» о том, как Франция, а потом и вся Европа, поглощается мигрантами. Роман-антиутопия Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери» оказался очень актуален не только для французов, но и для русских. Сходность проблем и сходность позиции властей обоих государств более чем очевидна. Глобальный Юг прорывается на Глобальный Север по воле правительств, предающих национальные интересы.

Франция растворяется в миграционных потоках, коренные французы сами превращаются в мигрантов, подчиняясь их образу жизни и перенимая их социальный статус – включая уровень зарплат. Между тем, власти жестоко преследуют любое сомнение в том, что мигранты «тоже люди». К 2050 году во Франции сравняется численность молодых французов и молодых мигрантов-неевропейцев. Еще полвека – и во Франции французы станут из дискриминируемого большинства дискриминируемым меньшинством. Вольтеровский призыв «раздавить гадину», направленный против Церкви, теперь обернулся на Францию и французов – самоликвидация Франции по рецептам либерализма и толерантности продолжается и скоро завершится.

Несите бремя белых (Р. Киплинг)

Великобритания всегда было местом, где без ограничений, но с презрительной прохладцей принимали всех изгнанников-бунтарей, которые готовы были продолжать свои бесконечные дискуссии и писать многостраничные описания и воззвания к соотечественникам, не рискуя быть назавтра арестованными. Поток простолюдинов до времени проходил мимо, растворяясь в Новом Свете. Пришельцами Великобритании стала заполняться после краха колониальной системы и с увеличением мобильности населения беднейших стран, обнаружившего способность к стремительной и массовой миграции. Когда англичане заметили, что на их земле живут сотни тысяч инокультурных пришельцев, было уже поздно. Принцип открытости границ сыграл свою роль, а далее за дело взялись провокаторы, обеспечившие консолидацию инородных сообществ.

В 1988 году вспыхнул скандал по поводу бессовестной книжки Салмана Рушди «Сатанинские стихи», оскорбительной для мусульман. Иранский лидер аятолла Хомейни вынес порнографу смертный приговор. И началось размежевание – «толерантная» публика всех оттенков возмущалась мусульманами, мусульмане получали уверения в том, что подобная «толерантность» – дурная черта европейцев. Началась стремительная самоорганизация мусульман, проживающих в Великобритании, и радикализация их взглядов – создана масса организаций исламистов, Исламская партия, а затем – Совет мусульман Великобритании, который был признан правительством. Серия взрывов в Лондоне 7 июля 2005 года вызвала еще большее размежевание между коренным населением и продолжающей радикализироваться уммой.

Теперь каждый пятый житель британской столицы – мусульманин. Неудивительно, что здесь обосновалось большинство западноевропейских исламских центров, ряд которых активно поддерживает радикальные исламистские группировки. Руководитель организации «Аль-Мухаджирун» Омар Бакри заявил, что Англия – столица исламского мира, а Трафальгарская площадь «стала нашей Меккой». Им было собрано около 250 тыс. долларов для формирования чеченского террориста Шамиля Басаева. «По воле Аллаха мы превратим Запад в Дар Аль-Ислам (территории, подчиненные правилам ислама) путем вторжения извне, – сказал Омар Бакри. – Если исламское государство встанет на ноги и вторгнется в западные территории, мы будем его армией, его солдатами, завоевывающими Запад изнутри».

Не менее абсурдно выглядит присутствие в Великобритании африканцев, которые также стремятся утвердить свой образ жизни, но ни в коем случае не перенять британские традиции. Так, в 2005 Скотланд-Ярд опубликовал доклад о человеческих жертвоприношениях, распространенных в африканских общинах, проживающих в Великобритании. Здесь приносят в жертву маленьких мальчиков, чтобы положительно повлиять на судьбу родителей или общины в целом. Согласно верованиям африканцев, чтобы избавиться от СПИДа, необходимо «очиститься» в половом акте с маленьким ребенком. Дети становятся товаром в таких изуверских культах.

И это – лишь один из примеров европейской работорговли, опирающейся на миграционную среду. Европейская Комиссия считает, что торговля женщинами и детьми в ЕС ежегодно достигает 120 тысяч человек.

К 2011 году общее число индийских мигрантов и их потомков в Великобритании составило около 1,5 млн. человек, а численность выходцев из Африки достигла примерно 1 млн. человек. Данные переписи 2011 г. показали, что численность мусульманского населения в Великобритании за период 2001–2011 возросла с 1,5 млн. почти до 3 млн. человек. Численность жителей Великобритании, родившихся за пределами страны, возросла с 5,2 млн. человек (2004) до 7,5 млн. человек (2011). Сальдо миграции с марта 2014 по март 2015 достигло рекордного показателя – более 330 тыс. человек. Причем, речь идет только об учтенных мигрантах.

Модель британского «мультикультурализма» с предоставлением этническим группам равных прав для политического, экономического и любого другого участия в жизни государства оказалась полностью несостоятельной. В Великобритании мусульмане входят в состав высшего имущественного слоя, становятся членами парламента, здесь действуют сотни медресе и сотни исламских организаций. Но все это не британские мусульмане, это нарастающая оппозиция самому существованию государства, которая втягивает в свою среду не только мигрантов. Сотни англичан, пораженных вирусом «толерантности» к инокультурным явлениям, ежегодно принимают ислам. Премьер-министр Дэвид Кэмерон 5 февраля 2011 признал, что политика мультикультурализма в стране провалилась, но сделать уже ничего нельзя, потому что треть жителей Лондона – мигранты. В некоторых городах мусульмане стали составлять почти 50 % населения.

Согласно отчету Консультативного комитета по миграции, количество рабочих мест для британцев уменьшается на 23 на каждые 100 мигрантов, прибывающих в страну из-за пределов ЕС. Примерно 40 % мигрантов 2015 года не собираются работать в Европе. Они лишь хотят жить здесь, получая пособие. Это одновременно говорит о том, что коренное население теряет рабочие места, а с другой, что праздность и нелегальная деятельность – удел большинства иммигрантов.

Британская нация распадается, рассекается этническими группировками, которые уже создали целую сеть лоббистских структур и выкачивают из государства средства на поддержание обособленной от британцев идентичности. Этому способствует целый ряд законов, который поставил переселенцев в привилегированное положение в сравнении с британцами. Либеральные публицисты продолжают толковать о том, что «нет никакого столкновения культур» и не видят никаких проблем с британской идентичностью, от которой уже почти ничего не осталось.

Безумие британской миграционной и в целом национальной политики выражена в словах Тони Блэра (2005): «Христиане, иудеи, мусульмане, индуисты, сикхи и представители других конфессий имеют полное право исповедовать свою веру, сохранять культуру и самобытность. Но когда речь заходит о наших основных ценностях – вере в демократию, верховенстве закона, толерантности, равноправии для всех, уважении к нашей стране и общему наследию, то в этот момент самобытность и религия заменяется обязанностью быть частью Великобритании».

Британская политика реализует только первую часть высказанной Блэром установки, давно утратив способность воспроизводить «основные ценности» и даже восстановить понимание того, что это были за ценности. «Бремя белых» давно уже сброшено и осталось на обочине пути Великобритании в историческое небытие.

Миграционная агрессия

Иммигранты чутко реагируют на либеральную политику, а потому стремятся в центр Европы – в Германию, Францию, Великобританию. Мигрантов не устраивают кризисные государства – Испания, Италия, Греция, Венгрия. Кому-то надо было поджечь войну вдоль условной границы Евросоюза – не только в арабском мире, в Сирии, в Ираке, но и на Кавказе и на Украине. Этот «кто-то» – консолидированный интерес мировых олигархий, пренебрегающих национальными интересами стран, в которых они сами стали мигрантами – не связанными никакими обязательствами перед соотечественниками.

Перелом в мировых делах произошел на рубеже 80–90-х годов XX века, когда ведущие мировые экономики исчерпали возможности интенсивного роста, связанного с научно-техническим прогрессом, и перешли к экстенсивному развитию за счет расширенного применения низкоквалифицированного труда и систематического снижения социальных затрат. Глобальная стратегия приступила к уничтожению гражданского общества как своего конкурента. Образцы иных социально-экономических моделей также подлежали уничтожению, и это было сделано «холодным» или «горячим» способом сначала с СССР и Югославией, затем с Ираком и Ливией.

Общая дестабилизация мировой политики привела к массовым миграциям, и первый напор миграционных волн Европа ощутила уже в конце 80-х годов XX века. К 2000-м годам поток мигрантов в Европу составил по официальному учету около 400 тыс. человек в год, а в нелегальном порядке примерно еще столько же. В последнее время система контроля за миграционными потоками трещит по швам, и Евросоюз намеревается вернуться к контролю на национальных границах. Вряд ли эта мера спасет от дальнейшего замещения коренного населения Западной Европы, численность которого к 2050 начнет быстро сокращаться, а число детей до 15 лет сократится почти наполовину. При этом треть коренного населения будет старше 60 лет.

К середине XXI века в политике и экономике Европы произойдут фундаментальные изменения. Европейский образ жизни отойдет в прошлое. В политике станут доминировать организации диаспор, которые резко увеличат конфликтность, конкурируя в борьбе за государственные должности и контроль над различными секторами экономики. Традиционная партийная система либо рухнет, либо начнет подстраиваться под новый электорат, заискивая перед агрессивными диаспорами и уступая им все больше и больше. В экономике теневой сектор в значительной степени легализуется. Если уже сегодня в ряде западноевропейских государств его доля в ВВП составляет до 30 % (в целом средний уровень – 20 %), то в ближайшем будущем за счет диаспор эта доля возрастет еще больше и потребует послаблений в законодательстве.

Увеличение численности диаспор не ослабит, а усилит миграционные потоки, которые уже теперь опираются на «миграционные сети» – множество нелегальных структур, предоставляющих «услуги» нелегальным мигрантам и воротилам нелегальной экономики, использующим мигрантов.

Наиболее мощным сектором нелегальной экономики является наркоторговля. Наркотрафик рекрутирует мигрантов, которым проще всего именно так получить работу и средства, позволяющие жить вровень с коренным населением Европы. Чтобы прорвать препоны, установленные европейскими государствами, именно на территории Европы надо было пробить брешь. И это было сделано силами американских войск, разбомбивших Югославию и обеспечивших этнические чистки сербов в Косово. Албанская наркомафия получила удобный плацдарм и теперь контролирует до 70 % рынка героина в Германии и Швейцарии.

Ставшие вполне реальными прогнозы разрушения Европы ясны всем здравомыслящим людям, но политики продолжают попытки исправить ситуацию негодными мерами. Вместо задачи полного прекращения иммиграции из стран Азии и Африки, ставится задача распределения миграционных потоков. Глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер предложил установить национальные квоты по приему беженцев, чтобы снять чрезмерную нагрузку Южной Европы, Германии и Швеции. И это считается чрезвычайными мерами!

Другой мерой подобного порядка является попытка ЕС получить «добро» Совбеза ООН на отлов перевозчиков мигрантов в Средиземном море, их задержание в нейтральных водах и буксировку судов в Ливию, которая из процветающей страны усилиями европейских политиков и их хозяев из США стала перевалочной базой африканской миграции. Критики считают, что подключение военного флота и вооруженных сил, которым планируют предоставить право вхождения в территориальные воды Ливии и проведение операций на ливийской земле, – опасной операцией, грозящей дальнейшей дестабилизацией. Действительно, даже масштабные военные меры против контрабандистов в лучшем случае переориентируют миграционные потоки на какую-нибудь соседнюю страну.

Чтобы защитить Европу, на глобальные угрозы должен быть дан глобальный ответ. И это требует фундаментального пересмотра всей европейской политики, а не одних лишь мер регулирования миграции. Для этого надо понять, что миграционный потоп является не стихийным явлением, а рукотворным процессом, сулящим выгоду его зачинщикам и спонсорам.

Проект Глобального Севера

Предвечернее солнце Европы уходит в волны большого переселения народов. С высокой точностью реализуется почти столетней давности прогноз Освальда Шпенглера о том, что XXI век будет для Европы последним: культура переплавилась в цивилизацию, а та равнодушно нивелировала политический ландшафт, сделав его не только общедоступным, но и удобным для любых этнокультурных экспериментов, создающих на плодородной почве совсем уже неевропейские субъекты исторического творчества. Европа превратилась сначала в Запад – геополитическое понятие, а теперь – в Европейский Союз, где союзниками выступают не европейские нации, а прикрывшиеся демократическими институтами олигархии.

То же самое можно сказать о США, традиционно обвиняемых в устройстве «однополярного мира» и организации войн. В реальности США столь же глубоко демонтировали свою государственность, как и Евросоюз. Миграционные процессы там не менее опасны, а правление давно закреплено за олигархией, которая не стесняется циничных фальсификаций избирательных процессов и очевидно марионеточного характера властвующих персон. В соответствии с либеральной доктриной, государство отмирает. Ему усиленно помогают отмереть, и массовая иммиграция – одно из средств ликвидации реального суверенитета и подмены его имитационными формами политики.

Переломить цивилизационную катастрофу может только мировоззренческий переворот, в котором обретет реальность Глобальный Север – территория планеты, отделенная от Глобального Юга сложившимися границами: Европа, ограниченная от Африки Средиземным и Черным морями и Кавказским хребтом, Северная Евразия – по границам Российской Федерации, США – по границе с Мексикой. Это цивилизация европейского человечества, в рамках которой политическая конкуренция должна быть прекращена, а закулисные олигархии, поджигающие эту конкуренцию, – уничтожены. В этом случае возникает шанс сформировать солидарность европейского человечества и сохранить культурный тип европейца и антропологический тип европеоида.

Необходимо осознать, что роль доминирующего на планете меньшинства закончилась. Началась другая эпоха, в которой это меньшинство либо оградится от остального мира мощными барьерами, либо превратится в быстро деградирующее дискриминируемое меньшинство.

Глобальный Север – США и Канада + Европа + Большая Россия – около 1 млрд. человек, основные энергетические и интеллектуальные ресурсы, хранилище богатств мировой цивилизации.

Глобальный Север (европейская цивилизация) самодостаточен. Оно обойдется без всего остального человечества. Он способен укрепиться на своих естественных границах и вытеснить за ее пределы все чуждые элементы. Для этого не надо ломать национальных границ. Напротив, их следует всячески укреплять, восстанавливая национальную идентичность. Но при этом избавиться от глобального соперничества между собой. Опустить «железный занавес» перед Глобальным Югом – единственное спасение. Без этого никакие меры по адаптации, ассимиляции или реадмиссии не могут быть эффективными.

Обособление Глобального Севера будет на пользу и Югу, поскольку позволит ему самостоятельно выработать свои цивилизационные модели и сформировать свои национальные государства. Без этого хаос на Юге не сменится порядком, а демографическое и культурное размывание продолжится в планетарном масштабе.

Глобальный Север имеет огромные слабозаселенные территории, которые могут и должны быть обустроены для жизни. Только таким образом они могут быть защищены от миграционной экспансии Юга, который таким образом отторгнет у Севера открытые и разрабатанные им природные богатства.

Необходимо отказаться от мировой экономики и замкнуть всю проблематику межнациональной координации в рамках Севера – дорогие, но квалифицированные и ответственные трудовые ресурсы, существующие без социального паразитизма, опора на новые технологии и новые достижения науки, подавление и ликвидация теневых форм экономики, демонополизация и другие черты перспективной модели экономического развития – все это Север может сделать, избавившись от Юга, отделившись от его проблем.

Политическая составляющая в проекте Глобального Севера – сверхатлантическая солидарность. Она необходима не только для сохранения национальных организмов и государственных конструкций, но и для выживания в исторической эпохе, в которой фаза могущества сменится фазой ограниченных возможностей и сильных противников. Это также страховка

на случай масштабных неконтролируемых изменений: потепление климата, глобальные катастрофы, войны.

Другие принципы консолидации Глобального Севера:

– Ориентация на общий успех – опережение экстенсивно растущих цивилизаций Юга.

Преимущественная «интеграция по широте» в сравнении с «интеграцией по долготе».

– Преодоление взаимных антипатий и невежества в области истории и культуры европейских наций. Единство европейских культурных ценностей (христианство), общее понимание справедливости (ответственная власть и социальное государство), общая переориентация экономики (подчинение финансов и торговли задачам производства и потребления). Общая система антитеррористического предупреждения.

– Общая демографическая политика и воспроизводство исторических наций: «железный занавес» от нежелательных иммигрантов, защита коренного населения от конкуренции с мигрантами на рынке труда, защита сложившихся принципов общежития, культурных ценностей и традиционной морали.

– Общие сберегающие технологии, минимизация расходов на транспортировку сырья, энергетическое партнерство. Совместное освоение Арктики. Обобществление пользования природными ресурсами при условии изъятия их из-под контроля олигархии и унификации уровней потребления. Транспортная оптимизация – широтный транзит товаров и сырья.

– Сохранение ноу-хау Севера: общий космос, общие проекты научного прорыва, восстановление общего уровня образования в области научно-технических знаний, общей осведомленности о ценности новейших технологий.

Чтобы все это состоялось, должно исчезнуть политическое понятие Запада. Ликвидировав Запад, европейская цивилизация сохранится, отведет от Глобального Севера миграционные потоки, откроет пути продолжения интенсивного развития экономики, прекратит кровавую конкуренцию внутри обширного геополитического пространства, унесшую в XX веке десятки миллионов жизней европейцев. Для России соответствующий ориентир выражается в тезисе: «С Европой против Запада!»

<http://www.km.ru/spetsproekty/2015/09/07/evropeiskii-soyuz-es/763888-zakat-evropy-ili-globalnyi-sever>

Национальные меньшинства в судьбе государства

Значимость национальных меньшинств в европейском политическом театре забывается по причине барьеров, возведенных принципами либеральной политкорректности. Между тем, весь XX век насыщен событиями, которые вовлекали меньшинства в конфликты, как наиболее значимый и активный компонент самых масштабных межгосударственных и внутригосударственных конфликтов. Достаточно привести пример революции в России (вместе с предшествующим периодом революционной борьбы во главе с инородцами-разночинцами) и краха СССР (подготовленного партийными этнономенклатурами).

При том, что в Российской империи крупнейшей составляющей населения были русские (по переписи 1897 г. в России насчитывалось 83,9 млн. русских: 56 млн. великороссов, 22 млн. малороссов, 5,9 млн. белорусов), весьма существенную роль могли сыграть и сыграли этнические меньшинства – 8 млн. поляков, 5 млн. евреев, 3,7 млн. татар, 2 млн. финнов, 1,8 млн. немцев, 1,7 млн. литовцев, 1,4 млн. латышей, 1,4 млн. грузин, 1,2 млн. армян, 1,1 млн. молдаван, 1 млн. эстонцев. Именно из этих этнических общностей рекрутировались революционные армии, свалившие империю и оторвавшие от нее несколько земель в качестве самостоятельных государств. Прибавим сюда роковую роль Чехословацкого корпуса, нанесшего тяжелейший удар в спину силам реставрации и контрреволюции.

В Османской империи к началу XX века жили 14 миллионов мусульман (турок, курдов и арабов), не менее 4 млн. православных (греков, армян, болгар), 215 тыс. иудеев, 120 тыс. католиков. Империя раскололась по религиозному признаку, а внутри религиозных групп – еще и по этническому. Национальные меньшинства сыграли в этом расколе главенствующую роль.

Еще более зыбкой была ситуация в Габсбургской австро-венгерской монархии, где в 1910 г. проживало 12 млн. немцев, 10 млн. мадьяр, 6,5 миллионов чехов, 5 млн. поляков, 4 млн. украинцев, 3,2 млн. румын, 2,9 млн. хорватов, 2,3 млн. евреев, 2 млн. словаков, 2 млн. сербов, 1,2 млн. словенцев и 0,8 млн. итальянцев. Не удивительно, что эта империя рассыпалась на мелкие составляющие.

Германская империя на рубеже XIX–XX веков включала достаточно незначительные группы меньшинств: 3 млн. поляков, 200 тыс. франкофонов, примерно по 100 тыс. датчан, мазуров, литовцев, чехов, кашубов и сербов. Доминирование немцев позволило Германии сохранить имперское ядро и собрать нацию даже после поражения в войне.

После Первой мировой войны возникли новые границы и новые национальные меньшинства.

Самым многочисленным меньшинством в Восточной Европе стали евреи – больше 8 млн.: 3,3 млн. жили в Польше, 3,2 млн. – в СССР (1,7 млн. – на Украине, 600 тыс. – в Белоруссии и 900 тыс. – в остальных частях Советского Союза), 700 тыс. – в Румынии, 600 тыс. – в Венгрии, 350 тыс. – в Чехословакии. Неудивительно, что «еврейский вопрос» оказался фактором напряженности и повлиял на судьбу Европы.

8 млн. немцев представляли собой вторую по численности группу меньшинств Восточной Европы: 3,2 млн. в Чехословакии, 2 млн. – в Советском Союзе, 1 млн. – в Польше, свыше 700 тыс. – в Румынии и по 500 тыс. – в Венгрии и Югославии. Если прибавить сюда немецкое население Австрии и Франции, то поступательное движение европейской истории к войне вполне определяется тенденциями, заложенными этнополитикой. Соответственно, репрессии против немцев в СССР также становятся делом объяснимым и предсказуемым – «немецкий вопрос» представлял собой крупнейшую проблему для государства, готовящегося к войне.

Третьим по значимости в предвоенной истории было русское меньшинство, которое составляло более 6 млн. человек: около 1 млн. белорусов и 4 млн. малороссов и украинцев в

Польше, 600 тыс. малороссов и украинцев и 400 тыс. великороссов – в Бессарабии и Буковине, 500 тыс. малороссов и украинцев – в Закарпатской Украине, не говоря уже о трехмиллионной великорусской эмиграции.

Крупными меньшинствами являлись также мадьяры за пределами Венгрии (1,5 млн. в Трансильвании, Банате и Крейшланде, 700 тыс. – в Южной Словакии и Закарпатской Украине, около 500 тыс. – в Воеводине), 800 тыс. поляков в Советском Союзе, 600 тыс. турок в Болгарии, 500 тыс. албанцев в Косово, 400 тыс. словенцев и хорватов в Италии, Триесте и Герце, 350 тыс. болгар в Добрудже и 200 тыс. греков в Стамбуле. Все это – топливо для внутренних конфликтов и внешней экспансии.

Послевоенная Европа через военную и послевоенную депортацию и передел границ достигла определенного этнического равновесия – удалось отчасти привести в соответствие государственные границы и границы расселения национальностей. Но Восточная и Центральная Европа в силу этнической чересполосицы сохранила неоднородность, прежде всего в СССР, Югославии и Чехословакии. Лишенные единой национальной элиты, деятельного национального ядра, СССР и Югославия рухнули, пережив кошмары гражданской войны и интервенции, которые кажутся менее мучительными, чем прежние потрясения XX в., но отличаются от них лишь одним – относительной немногочисленностью жертв прямого вооруженного насилия. Мирное расчленение Чехословакии можно объяснить как общей вялостью этнического самосознания (отмечаемой еще за столетие до того), так и неучастием в этом расчленении внешнего «третьего лишнего», отвлеченного на другие, более масштабные задачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.